

Ильясова Зульфия Караниевна

Ilyasova Zulfiya Karanievna

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА)

THE DISTINCTIVE FEATURES OF CULTURAL CODES (BY A CASE STUDY OF THE SPIRITUAL CULTURE OF THE PEOPLES OF DAGESTAN)

Аннотация:

В статье исследован процесс антропологизации духовных ценностей в современной этнокультуре, обладающей самобытными чертами в рамках общечеловеческой культуры. Автор рассматривает духовные ценности народов Дагестана как совокупность смыслов, создающих фундамент для интерпретации повседневных значений жизненного мира человека. Охарактеризована культура этих народов, проявляющаяся в сочетании общечеловеческого и этнического, что обуславливает актуальность ее философского осмысления. Согласно авторской позиции, сложившиеся уникальные синкретические верования, религиозные традиции, морально-нравственные принципы формируют сущность и значимость общественного развития в настоящее время, их органичность в повседневной жизни дагестанцев. В ходе анализа показаны особенности выражения таких культурных кодов, как намус (регулятор внутриобщинных и внеобщинных взаимоотношений), традиционность (основание идентичности), политеизм (фундамент мировоззрения), т. е. базовых духовных ценностей народов Дагестана. Установлено, что в комплексе они представляют собой философско-этическую систему, которая складывалась веками. Определены основания этнокультуры и стратегия региональной культурной политики с учетом ценностных доминант, маркирующих традиционное общество.

Ключевые слова:

духовная культура, культурный код, этнокультура, традиционная культура, намус, мифологические представления, политеизм, этнокультурные доминанты.

Summary:

The study deals with the anthropologization of spiritual values in modern ethnic culture which has distinctive features within the framework of universal culture. The author regards the spiritual values of the peoples of Dagestan as a set of meanings that serve as the basis for daily interpretation of the lifeworld of a person. The culture of these peoples is described in a combined universal and ethnic context, which explains the relevance of its reflection from a philosophical perspective. In the author's opinion, the one-of-the-kind syncretic beliefs, religious traditions, and moral principles are essential and significant for present-day social development and coexist in harmony in the everyday life of the Dagestanis. The study shows the aspects of such cultural codes as namus (regulator of intracommunal and non-communal relationships), traditionalism (foundation of identity), polytheism (foundation of worldview), i.e. basic spiritual values of the peoples of Dagestan. Together they constitute a philosophical and ethical system that has evolved over centuries. The research identifies the fundamentals of ethnic culture and the regional cultural policy strategy considering the dominant values typical for traditional society.

Keywords:

spiritual culture, cultural code, ethnic culture, traditional culture, namus, mythological ideas, polytheism, ethnocultural dominants.

Духовная культура отражает отличительные черты ментальности этноса, воплощенные в ценностных приоритетах, морально-нравственном комплексе, образе действий. Познание одной самобытной этнической культуры возможно благодаря знакомству и сравнению с другой. Подобное сравнение способствует выявлению ранее нефокусируемых особенностей того или иного народа и позволяет определиться в отношении собственной этнической идентификации.

В настоящее время исследование ментальных, этнокультурных доминант – актуальная проблема философии, этики, культурологии. Ее анализ помогает выстроить векторы национальной, культурной политики, прогнозировать возможности культурного диалога. Так, выявляя культурологические смыслы процесса сближения культур и проблемное поле культурного диалога в контексте диалога цивилизаций, И.И. Ирхен называет следующие доминанты культурной матрицы современного арабского мира: нациоцентричность, сплачивающая идея рационального ислама, эталонность традиции, предопределенность ментальности [1, с. 256]. Названные аксиологические приоритеты с той или иной степенью доминирования присутствуют практически во всех культурных матрицах и определяют архетипы этнических культур. В контексте этнокультурной идентичности дагестанцев они выражены через систему культурных кодов и архетипов этнокультуры. Прежде всего речь идет

о нравственно-регулятивном комплексе (*намус*), а также традиционной культуре, в которой органично совмещены ислам, мифологические воззрения и религиозно-обрядовые практики, сформированные на основе древних политеистических религиозных смыслов.

Предметное поле исследования обосновало необходимость обращения к публикациям современных дагестанских философов, устанавливающих этнокультурные и ментальные доминанты дагестанцев во взаимосвязи с аксиологическими основаниями традиционной культуры. В частности, рассматривая соотношение этнического и конфессионального в социально-историческом развитии, К.Г. Гусаева отмечает, что «компоненты культового комплекса, особенно его ритуалы, религиозные обычаи и традиции, проникая в национальные формы общественной жизни через взаимодействие с народными верованиями, приобретают характер этнических явлений, этнически окрашиваются, “этнизируются”» [2, с. 127]. Г.Н. Сеидова, рассуждая о культурной самобытности как об одной из основ государственности, выделяет мировоззренческие основания этнокультуры дагестанцев: «Историко-этнографический анализ происхождения исламских обычаев и традиций дает научную основу для понимания и объяснения всего комплекса мусульманского образа жизни и стиля мышления» [3, с. 52].

Обосновывая правомерность гносеологического подхода при анализе исламской культуры, М.И. Билалов приходит к выводу о теоретико-познавательном содержании суфизма как традиционного для северокавказских народов направления ислама. Исследователь подчеркивает: «Философия суфизма – наиболее насыщенная гносеологическими идеями ветвь мусульманского верования и, пожалуй, в этом смысле не имеет себе равных во всем религиозном сознании» [4, с. 97].

Для представителей культуры Дагестана объединяющим началом служат ментальные особенности и морально-нравственный комплекс, маркирующие этнические группы. Для того, кто не знаком с нормами и традициями социального общения в Дагестане, остаются скрытыми мотивация поступков кавказцев и критерии оценки ими окружающих. Внутри общины индивид воспринимается окружающими как надежный и предсказуемый член общества. Вместе с тем обязанности перед общиной тесно переплетаются с волей индивида, необходимость соблюдения предписанных общиной обязательств, осознание значимости этих обязательств перед собой и общиной формируют *намус* – объективную оценку наличия нравственно-моральных качеств и социального статуса индивида. Р.М. Абакарова выделяет признаки единства в многообразии культур народов Дагестана и одним из ключевых называет *намус*, т. е. «долг или долженствование»: *намус* выражается в виде моральной поддержки родных и близких, разделения радости, соучастия в важных событиях. Словосочетания *намус требует, мой намус мне не позволяет* – «это и есть моральное долженствование» [5, с. 5].

По наблюдениям М.И. Билалова в контексте изучения суфийской познавательной культуры и ее отражения в стратегии поведения дагестанцев, «божественный закон здесь (в исламе. – Примеч. авт.) претендует на дословное тождество с законом общества, требуя совпадения коранической нормативности с нормативностью социальной» [6, с. 48]. Соблюдение нравственно-регулятивного комплекса совпадает с трепетным отношением индивида к религиозным ценностям. Напротив, пренебрежительное отношение к *намусу* приравнивается к игнорированию религиозных заповедей, а за индивидом в общине закрепляется репутация безбожника.

То, что община признает за человеком наличие *намуса*, гарантирует ему доверие общества, значимость его мнения или совета как статусного представителя общины. *Намус* – принципиальное основание для органичного существования индивида в социуме. Наличие такого основания определяется как социумом, так и индивидом в форме самоанализа и критической оценки личных поведенческих стереотипов. В соответствии с постоянным самоанализом индивид строит свое поведение, соблюдая *намус*, регулирует поступки и действия, согласно принятым в обществе нормам. Признание общиной отсутствия у индивида *намуса* равнозначно презрению и отвержению его не только внутри общины, но и в широком социальном пространстве. Демонстративное, циничное пренебрежение *намусом* транслирует пренебрежение морально-нравственными нормами и интересами других членов общины. Отсутствие *намуса* – самое уничтожительное объявление общества в отношении пренебрегающего.

Поэтому в традиционном Дагестане, где успех той или иной деятельности зависит от общественного мнения, стратегия поведения члена общины тесно связана с задачей избежать потери *намуса*. Последний может быть потерян, например, если человек получил категорический отказ в том, на что он с уверенностью рассчитывал. В результате возникает неконтролируемая реакция и комплекс поступков, выходящих за нормы общественно принятых. С целью регулирования конфликтных ситуаций, приводящих к потере *намуса*, используется форма переговоров с привлечением авторитетного в общине посредника, способного примирить обе стороны, а следовательно, сохранить *намус* участникам конфликтной ситуации.

Потеря *намуса* индивидом транспонирует отрицательную репутацию на всю социальную группу, т. е. род, семью, которую он представляет. И наоборот, плохая репутация у общины гарантированно лишает статуса «намусности» всех членов соответствующей социальной группы. Чтобы вызвать у человека чувство стыда за свои поступки, вызывают к его *намусу*, устанавливая тем самым, что индивид нарушил границы дозволенного и ему необходимо на это указать. Таким образом, *намус* проявляется в двух плоскостях: как регулятор собственного поведения и как регулятор взаимоотношений в системе «старший – младший» («руководитель – подчиненный»). *Намус* – это тактичность, подчеркнутое уважение, демонстрируемое индивидом по отношению к людям внутри общины и вне ее, признак воспитания, культуры, развитого мировоззрения, что регулирует поведение и его мотивационную составляющую.

Древние дагестанцы наделяли святостью небо и землю, источники вод, растения, огонь, камни, участки пространства, отрезки времени, формы деятельности и ряд других явлений, обладавших в их восприятии особой жизненной ценностью, в которой усматривали присутствие необыкновенной силы роста, изобилия и животворения. У горцев был сельскохозяйственный календарь, связанный с древней обрядностью и народными праздниками. Календари регламентировали основные сроки сельскохозяйственных работ с учетом местных климатических условий. В населенных пунктах существовали ориентированные точки (пик горы, выступ скалы, деревья) природного происхождения или построенные человеком (каменные столбы, кучи камней). По ним узнавали время года и дня. Кроме того, у каждой семьи присутствовали свои ориентиры: точки, освещаемые солнцем на стенах соседних домов, или величина тени, падающей от соседних строений.

Этот календарь действовал и после принятия в Дагестане христианства и ислама, так как обрел мощь традиций. Все календари горцев и соответствующие им обряды, праздники обращены к небу с целью воздействия на сверхъестественные силы в желательном для людей направлении. Племенные союзы и раннегосударственные образования учреждали государственные культы, создавали для поклонения общим богам святилища и храмы под открытым небом, разводили костры и приносили жертвы богам.

Важное значение в культовых практиках имело поклонение небесным светилам, особенно солнцу. Традиционная культура сохранила свидетельства таких практик, проявляющихся сегодня в обрядовых комплексах и встречающихся в песенном фольклоре. Например, лезгины проводили обряд, в контексте которого исполнялась песня заклинания солнца. Помогая ему набрать силу, люди зажигали костры на крышах домов и возвышенных местах. По поверию дагестанцев (лезгин и горских евреев), огонь обладал целебной и очищающей силой. С его помощью отгоняли злых духов, через него проносили больных, пропускали скот.

Воззрения предков народов Дагестана носили мифологический характер. В мифах и легендах выражалась борьба человека с природой за существование. Миф в данном случае представляет собой префилософское мировоззрение в форме сверхъестественных и обобщенных образов. Отмечая эту особенность мифологического мировоззрения, Гегель указывал, что «миф есть всегда форма изложения, которая, принадлежа к более древней стадии, вносит чувственные образы, изготовленные для представления, а не для мысли» [7]. На ценностных основаниях традиционной культуры, ее включенности в повседневность делает акцент и Дж.Т. Уиллис, утверждая, что «ежедневно мы участвуем в ритуалах на основе мифологии». По его мнению, каждый из уровней идентичности, составляющих архитектуру идентичности индивида, включает историю, миф, мировоззрение, что в целом определяет и уникальность личности, и принадлежность ее культурной общности [8].

Среди предков народов Дагестана широко распространены и оборотнические мифолого-религиозные представления. Они вытекали из сущности первобытного мировоззрения. Согласно ему, на неживую природу переносили свойства живой, т. е. человека. Поэтому солнце, луна, ветер, иные явления природы представлялись живыми существами. При сильных ветрах чародинские аварцы бросают вверх иголку с ниткой, чтобы «зашить мешок ветров», лакцы растапливают жир жертвенного животного или масла на сковороде [9, с. 103]. Отголосок одушевления природы – сохранившееся среди мусульман представление о затмении солнца и луны как способа наказания за грехи людей.

Человек в эпоху политеизма еще не выделял себя из природы, переносил на нее собственные свойства, персонализировал ее силы и явления. Предки дагестанцев обращались к магическим приемам и в семейно-брачной сфере. Первичной ячейкой религиозной жизни выступала семья (род). Первостепенная роль – у главы семьи. В свадебном обряде особое место занимал (и занимает в настоящее время) магический ритуал, призванный обеспечить невесте рождение здорового потомства и достаток в доме. Для этого невесту, входящую в дом жениха, обсыпали рисом, кусковым сахаром, конфетами, предлагали ей ложку пчелиного меда. В брачную ночь дверь в комнату молодых родственники охраняли от злых духов с оружием в руках, а чтобы прогнать их, стре-

ляли из ружья. Переезжая в дом жениха, невеста должна была дважды пройти мимо горящего костра, поклониться ему и бросить в него кусок жира. Особая разновидность магии – табу. Средствами очистительной магии предкам горцев служили вода, огонь, чеснок, шерсть.

По надписям и рисункам на камнях можно судить о месте древних верований у горцев Дагестана. Основные фетишистские поверья их предков находили отражение в декоративном и прикладном искусстве. Кинжал и шашка наделялись сверхъестественными свойствами, будучи талисманами, ограждали от вредных влияний злых духов, чар и колдовства. У многих горцев змею почитали как хранительницу домашнего очага, символ семейного благополучия. Позднее она подвергалась антропоморфизации: у даргинцев предстает в облике женщины в белом одеянии и с распущенными волосами, у аварцев – в образе дочери змеи. Местом обитания домового считали центральный столб, балку, стену [10].

Непонимание древними горцами понятий жизни и смерти, сна и обморока выражено в анимизме. Они верили в присутствие сверхъестественных двойников и у людей, и у остальных материальных объектов. Душа выступала материальным существом в виде птиц, насекомых и т. д. Животные в понимании древних горцев – прародители, что проявляется и сегодня в наименованиях некоторых родов сельских общин (тухумов), в запретах мяса ряда животных, в использовании их шерсти. В Гунибском районе обнаружены грот Чинна Хита и урочище Чувал-Хвараб-нохо с характерными наскальными изображениями охотничьих сцен, в том числе объектов охоты – медведей, оленей, туров, и наскальными росписями, отображающими тотемистические верования древних горцев. Бытует мнение, что Чинна Хита и Чувал-Хвараб-нохо были святилищами, культовыми центрами, находящимися в пределах охотничьих угодий обитателей чохской стоянки, где проводились тотемические обряды [11].

Неотъемлемая часть бытия древних дагестанцев – вера в магическую силу природы. Не случайно обряды вызывания дождя, обеспечения успешного урожая и высокого приплода домашнего скота не только вписаны в крестьянскую повседневность домонотеистического прошлого, но и сохранились среди горцев до наших дней. Они маркируют этническую культуру и органично взаимодействуют с традиционным исламом, что особенно заметно при исполнении праздников и обрядов. Во время весенней вспашки у многих народов пахарь надевал шубу с шерстью наружу, косматую папаху, думая, что земля колосится зерновыми так густо, как шерсть на шубе и папахе. Эту цель преследовало битье пахаря кусками земли, несение сохи по полу беременной женщиной. Обливание чучела, осла, женщины водой являлось магическим приемом вызывания дождя.

У многих земледельческих народов Дагестана бык отождествлялся с символом мужского начала и олицетворял созидательную функцию земли – плодородие. Поскольку земля соотносилась с женским гендером, то отношения быка-пахаря с землей воспринимались как супружеские. М.А. Абдуллаев пишет, что данный пример антропоморфизма характерен для традиционной культуры аварцев и наиболее полно выражен в ежегодном обряде первой борозды, проводимом в начале весны. «Это было символическое вступление в брак с целью деторождения, плодородия и изобилия, и отмечалось оно во многих случаях как свадебное торжество» [12, с. 56].

Еще один пример сакрализации животных – конь. Его образ в представлении предков дагестанских народностей связан с культом солнца. Конь изображался в сопровождении солярных знаков или в образе пегаса. В Дагестане этот образ воплощен в средневековом камнерезном искусстве. В первые века после принятия ислама горцы продолжали украшать здания и могилы политеистическими и христианскими петроглифами (солярными знаками в виде крестов, вписанных в круг). Петроглифами покрывали и здания мечетей. Больше всего их вставлено в стены с западной, южной и северной стороны соборной мечети села Хуштада. Аналогичные знаки – на стенах мечети села Кванада. Геометрические узоры, повторяющие древние домусульманские образцы, украшают строительные надписи XVIII–XIX вв. на ее восточной стене.

Сегодня эти рисунки потеряли прежнее религиозное значение и рассматриваются как украшения. Кроме них на домах и могилах появились новые мусульманские петроглифы, в частности знак оберега в форме арабского слова *ла* («нет»), изображенного в виде треугольника с отходящими от него вверх под прямым углом линиями [13, с. 88]. Свидетельством того, что у народов Дагестана существовали космологические и геометрические представления, служат обнаруженные культовые здания (Хосрехское святилище), могильники в Магарамкентском районе, Каякентском поселении Шах-Сенгер и другие сооружения.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что на базе синтеза традиции и политеизма сформировалась философско-этическая система, где политеизм выступает как основа мировоззрения, регулирующая поведенческие формы и позволяющая адаптироваться в социально-культурном пространстве. Религиозный традиционализм закладывал принципы нравственности дагестанских народов и обеспечивал умение жить в гармонии с законами природы. Религиозная

традиция, основанная на первостепенной роли нравственности и морали, способствует повышению степени духовного развития, создает условия для диалога культур, расширяет диапазон ментальных и этнокультурных координат идентичности современных дагестанцев.

Безусловно, рассуждать о полном избавлении от древних политеистических практик невозможно, поскольку они прочно укрепились в традиции, в некоторой степени модернизировались и переплелись с культовыми практиками классических монотеистических религий. Сложившиеся уникальные синкретические верования, религиозные традиции, морально-нравственные принципы определяют сущность и значимость общественного развития, их органичность в нашей повседневной жизни. Сформированная на протяжении столетий система духовных ценностей народов Дагестана зиждется на таких базовых культурных смыслах, как намус – регулятор внутриобщинных и внеобщинных взаимоотношений; традиционность – основание идентичности; политеизм – фундамент мировоззрения. В целом в наши дни они составляют культурный код дагестанцев.

Ссылки:

1. Ирхен И.И. Сближение культур и его культурологические смыслы // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2014. № 7. С. 253–256.
2. Гусаева К.Г. Особенности соотношения этнического и конфессионального в социально-историческом развитии // Системные технологии. 2014. № 3 (12). С. 121–128.
3. Сеидова Г.Н. Культурная самобытность как одна из основ государственности: российский опыт на Кавказе // Ислам в современном мире. 2015. № 11. С. 49–58. <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-3-49-58>.
4. Билалов М.И. Гносеологический анализ исламской культуры Юга России // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 91–100.
5. Абакарова Р.М. Единство в многообразии культур народов Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра Российской академии образования. 2012. № 3. С. 3–5.
6. Билалов М.И. Суфийская познавательная культура как стратегия социального поведения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2005. № 1 (6). С. 44–48.
7. Гегель Г.Ф. Лекции по истории философии // Сочинения : в 14 т. Т. 10. М., 1932. 490 с.
8. Willis J.T. Myth and Identity. 2013. 15 p. Academia.edu database.
9. Халидова М.Р. Мифологические образы в устной прозе народов Дагестана // Мифология народов Дагестана : сб. ст. Махачкала, 1984. С. 99–118.
10. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. 273 с.
11. Котович В.М. Путешествие в тысячелетия: записки дагестанского археолога. Махачкала, 1994. 159 с.
12. Абдуллаев М.А. Средневековая арабо-мусульманская культура и ее влияние на Дагестан. Махачкала, 2005. 315 с.
13. Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966. 122 с.

References:

- Abakarova, RM 2012, 'Unity in Variety of the Cultures of the People of Dagestan', *Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy*, no. 3, pp. 3-5, (in Russian).
- Abdullaev, MA 2005, *Medieval Arab-Muslim Culture and Its Influence on Dagestan*, Makhachkala, 315 p., (in Russian).
- Bilalov, MI 2005, 'Sufi Cognitive Culture as a Strategy of Social Behavior', *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura*, no. 1 (6), pp. 44-48, (in Russian).
- Bilalov, MI 2012, 'Gnoseological Analysis of the Islamic Culture of the South of Russia', *Gumanitarij Yuga Rossii*, no. 1, pp. 91-100, (in Russian).
- Gusaeva, KG 2014, 'Features of the Ratio of Ethnic and Religious in the Socio-Historical Development', *Sistemnye tekhnologii*, no. 3 (12), pp. 121-128, (in Russian).
- Hegel, GWF 1932, 'Lectures on the History of Philosophy', *Compositions*, in 14 vols, vol. 10, Moscow, 490 p., (in Russian).
- Irkhen, II 2014, 'Approximation of Cultures and Its Culturological Meanings', *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*, no. 7, pp. 253-256, (in Russian).
- Isakov, MI 1966, *Archaeological Sites of Dagestan*, Makhachkala, 122 p., (in Russian).
- Khalidova, MR 1984, 'Mythological Images in the Oral Prose of the Peoples of Dagestan', *Mifologiya narodov Dagestana: sb. st.*, Makhachkala, pp. 99-118, (in Russian).
- Khalidova, MR 1992, *Mythological and Historical Epos of the Peoples of Dagestan*, Makhachkala, 273 p., (in Russian).
- Kotovitch, VM 1994, *Journey to the Millennium: Notes of Dagestan Archaeologist*, Makhachkala, 159 p., (in Russian).
- Seidova, GN 2015, 'Cultural Identity as One of the Statehood Foundations: Russian Experience in the North Caucasus', *Islam v sovremennom mire*, no. 11, pp. 49-58, <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-3-49-58>, (in Russian).
- Willis, JT 2013, *Myth and Identity*, 15 p., Academia.edu database.